

Тема семинара

Либерализм: теория, состояние, прогноз

Доклад

Либерализм: проблемы теоретического и идеологического измерений

***А.И. Соловьев, доктор
политических наук***

Штрихи к историческому портрету

Каждый новый виток истории со своими специфическими вызовами, интеллектуальной и социально-политической архитектурой общества заставляет пересматривать взаимоотношения индивида и общества, власти и социума, человека и человека. Так что все великие идеологии, так или иначе интерпретирующие двоякую спираль человеческого развития (в основании которой, с одной стороны, лежат механизмы автономизации, а с другой — сближения человека с сообществом), подлежат регулярной переоценке и теоретической реконструкции. Так и сегодня тренды глобализации и становления информационного общества, — а равно ряд других, не менее эпохальных процессов, утверждающих постсовременные формы организации общества и раскрепощающие его глубинные (примордиальные) начала, — создают новые условия для появления очередной исторической версии либерализма. Если политическая система западной цивилизации практически

полностью реализовала возможности аутентичного либерализма в воплощении проекта Модернити, создав институты представительной демократии и обеспечения индивидуальных прав и свобод человека, то нынешние социокультурные и политические сдвиги создают все предпосылки для появления его новой исторической версии. Причем, в том числе и в странах, где культурное поле органически противоположно его базовым ценностям.

В этом смысле либерализм ничем не отличается от консервативной или социалистической идеологии, побуждая очередные поколения исследователей переинтерпретировать его основные референции, проверить на историческую прочность его когнитивные и идеологические конструкции.

Принципиально, однако, что теоретической ревизии подвергаются не столько базовые основания либерализма, как некоего стиля мышления, отражающего особое мировоззрение и даже философскую реакцию по поводу взаимоотношений индивида и власти (хотя и здесь существует широкое поле для инноваций), сколько специфические формы его идеологических инвективов, рассчитанных на целевое проектирование государственной и партийной политики (и которые, в свою очередь, являют собой разнообразные программные оболочки концептуальных подходов и принципов либерализма). Благодаря этой двоякой природе либерализма теоретическая реконструкция и ее многочисленные интерpellации обладают весьма заметной противоречивостью. Причем нередко сторонники либерализма вообще не разводят эти модусы его идеологического и интеллектуального функционирования, предполагая прямое социальное действие его принципов. Особенно ярко это проявляется при нормативном описании государственных институтов и практик на разных уровнях социальной организации.

Многовековой опыт мирового развития показал сложно-составную и, в какой-то мере, агрегированную природу либерализма. Привычное отношение к нему, как к устоявшейся

системе воззрений, нередко оспаривалось и оспаривается указанием на его различные теоретические источники и противоречивость политических, экономических, философских и этических компонентов. Типичным является и признание амбивалентности его интеллектуальных, идеологических и практических форм. Примечательно и то, что идейная разноликость либерализма затрудняет даже определение времени его зарождения. Одни ученые указывают на идеи, восходящие чуть ли не ко временам античности, другие делают акцент на эпохе Возрождения и Реформации, на подходах Т. Гоббса, Дж. Локка, французских и немецких просветителей (хотя общественная мысль Просвещения в равной степени служила основой для консерватизма и социализма, что затрудняет поиск аутентичных либералов в то время). Разнообразие содержания создает сложности даже для идентификации современных сторонников либерализма (так, в США «либералами» называют себя сторонники неолиберальных подходов, а в Европе это слово употребляется применительно к политикам, более строго следующим «классическим» канонам). Все эти факты дают основание немалому числу теоретиков говорить о внутреннем эклектизме либерального течения мысли и даже отрицать самое существование либерализма как целостной системы воззрений.

Одним словом, разнообразие, а временами аморфность и разнородность либерализма не подвергаются сомнению: история наглядно показала, что существовало и существует множество либеральных теорий (течений), заключенных по сути в одну концептуальную форму. В то же время, различия рефлексивных (а иногда и рефлекторных) оценок либерализма (которые могут обладать консервативным и даже реакционным характером) обусловлены целым рядом не поддающихся систематизации факторов.

Впрочем, помимо обстоятельств внешнего толка (состояние взаимоотношений государства и личности, общественного климата, повестки дня академической элиты и др.) дис-

кретный характер и особенности амбивалентной природы либерализма в значительной части обусловлены неоднозначностью трактовок его базовых принципов (которые, как уже говорилось, требуют своего регулярного пересмотра в ту или иную историческую эпоху). Более того, неоднозначность понимания таких политических универсалий, как власть, государство, свобода, права человека, место морали в политике, публичный дискурс, гражданская активность, самоорганизация и др. (а, стало быть, и их взаимные соотношения) всегда предполагала вариативные (независимо от исторического времени) схемы их концептуальных интерпретаций.

Тем не менее, важно видеть и то, что никакая внутренняя амбивалентность либерализма, комплексность (и даже агрегативность) его теоретических построений и идеологических доктрин (а равно правительственных и партийных программ и институтов) не могут нивелировать принципиальное значение его мировоззренческих принципов и начал. Примат индивидуальной свободы и рационализма, приоритет индивида перед обществом, признание принципиального значения прав человека и его ответственности перед сообществом, ценности основанного на конкуренции и частной собственности рынка, конституционализм, разделение властей, неприкосновенность частной собственности, гарантированное представительство гражданских интересов и ряд некоторых других, не менее значимых идей — составляют непреходящий идейный базис этого многоликого течения.

Именно эти начала и превращают либерализм в некую отнесенительно целостную «символическую форму» рефлексии (Д. Маннинг), обладающую своим как имплицативным, так и эксплицативным содержанием. Собственно, разноликие интерpellляции теоретиков и политиков на основные принципы либерализма и породили ряд его противоречивых прочтений — от социального до консервативного и радикального. Правда, надо признать, что представители разных школ и направлений использовали отнюдь не идентичный набор

постулатов и ценностей либерализма, создав таким образом доктрины, лишь частично отражавшие обозначенные выше либеральные принципы. Тем не менее, во всех — в том числе и, условно говоря, усеченных — трактовках либерализма неизменно решались принципиальные для него дилеммы свободы и ответственности, капитализма и демократии, свободы и равенства, экономической эффективности и социальной справедливости, приверженности правам человека и верности своему Отечеству.

Следует учитывать и то, что сами исходные принципы в результате их культурного декодирования и усвоения различными аудиториями также получали неоднозначные и противоречивые прочтения. Демагогия и популизм, политическое соглашательство и поверхностность усвоения либеральных принципов были и остаются весьма распространенными социальными фактами. Смысловые смещения в сфере массовой коммуникации постоянно отождествляют индивидуализм и эгоизм, свободу и анархию, лишают либеральную идею взаимной ответственности индивида и общества и т. д. Широкое распространение в публичном дискурсе получила и практика оголтелого поношения либерализма со стороны сторонников этатизма и шовинизма, приверженцев «национальных идей» (и иных инструментов насильственного укрепления имперской государственности) и «жертв демократии», в ожесточенной критике которых неизменно проступают историческая ограниченность и мелкотравчатость их теоретических подходов.

Однако такого рода отрицания либерализма практически не влияют на его идейную эволюцию. Более действенные — как внутренние, так и внешние — источники его развития и одновременно доктринальной диверсификации хорошо прослеживаются на протяжении его интеллектуальной и политической эволюции.

Как известно, оформившись как специфическая теория в конце XVIII — начале XIX вв. и опираясь на идеи Дж. Локка,

Ш. Монтескье, А. Смита, И. Канта, В. Гумбольдта, Дж. Мэдисона и других членов кружка «философских радикалов», — ориентированных, в свою очередь, на идеи Д. Рикардо, Т. Мальтуса, манчестерскую школу экономического либерализма (Р. Кобден, Д. Брайт), творчество Б. Констана и французских физиократов, — либерализм сразу же представил свою классическую версию (базирующуюся на принципе *laissez-faire*, идее «минимального государства», утилитаризме, концепции естественных прав человека, идеях автономии личности и теории общественного договора). Принципиальную роль в обосновании этой версии сыграли концепции онтологического индивидуализма и связанные с ними негативное понимание свободы, представление о жесткой взаимосвязи свободы и частной собственности, идеи веротерпимости и плюрализма, конституционализма и разделения властей. Эта идеология антипатернализма (утверждавшая, что каждый человек является наилучшим судьей своих собственных интересов) сохраняла приоритеты и ценности человеческой жизни, свободы, равенства людей перед Богом, конкуренции, предпринимательства, демонстрируя при этом критическое отношение к государству и ориентацию на побуждение политической активности гражданина.

«Философские радикалы» считали, что, будучи главным мотивом человеческой деятельности, идея полезности создает общественную гармонию только благодаря рациональным и разумным «правилам игры». В этом смысле государство, представляющее «корыстные» интересы аристократии и духовенства, являлось главным препятствием к созданию таких правил. В то же время, в качестве главной гарантии свободы, как правило, рассматривалась частная собственность, безопасности которой придавалось важное значение; а главным предметом заботы была свобода экономическая, чье осуществление связывалось с осознанием людьми тесной взаимосвязи интересов каждого индивида с благом окружающих его людей и всего человечества. Но для этого

предполагалось обеспечить ему личную свободу и оградить от тирании общественного мнения, а также предоставить возможность активного участия в социальной жизни вследствие соответствующей реорганизации политических и экономических институтов.

Несколько иную трактовку базовых начал предложил Дж. Милль, который отошел от представлений об обществе как механической сумме преследующих эгоистические цели индивидов и наполнил принцип индивидуализма новым содержанием. В частности, им предлагалось отношение к индивиду как к существу социальному, что связало развитие общества со строительством специальных институтов, формирующих в личности «социальные» качества и дополняющих конкуренцию разнообразными формами сотрудничества при принятии государственных решений. Акцент на высшую ценность человеческого «я» представлял собой главный аргумент в пользу «принципа свободы», согласно которому «единственная цель», способная оправдать законное «применение власти к члену цивилизованного общества против его воли, есть предотвращение вреда для других людей». Это обеспечивало человеку как автономию, необходимую для развития индивидуальности, так и защиту от «коллективной посредственности».

Именно идеи Милля, заполнившего «промежуток между старым и новым либерализмом» (Л.Т. Хобхауз), подготовили почву для последующего изменения либеральной теории, акцентации этого учения на этические и социальные аспекты индивидуальной свободы. В XX в. с идеями неолибералов (Т.Х. Грина, Дж. Дьюи, Дж. Ролса, Р. Дворкина), отстаивавших идею позитивной свободы и равенства возможностей индивидов на основе модели «государства всеобщего благоденствия», столкнулись теоретические аргументы либертариистов чикагской школы, придерживавшихся постулатов классической традиции (Ф. Хайек, М. Фридман, Л. Мизес).

Неолибералы исходили из социального толкования свободы, вытекающего из факта принадлежности индивида к

обществу, означавшего не отсутствие ограничений, а способность или возможность человека — причем, наравне с другими — сделать для себя и общества нечто полезное. Утверждая, что общество существует благодаря взаимопомощи своих членов, а его прогресс связан с переходом от конкуренции к сотрудничеству, они настаивали на необходимости создания каждому гражданину условий для его достойного существования. Это меняло само отношение к государству, которое понималось уже как инструмент не ограничения, а расширения свободы, т. е. средство формирования социальных институтов, обеспечивающих условия для развития интеллектуальных и моральных возможностей индивидов. Одновременно и взаимоотношения государства и индивида стали пониматься как форма совместной борьбы за нравственное совершенствование человека.

Как можно видеть, сама жизнь потребовала усиления регулирования государством социально-экономических отношений (что подкреплялось требованиями левых), а, следовательно, и иного отношения к свободной конкуренции и функциям государства. Коротко говоря, неолиберализм стал платформой для программы обеспечения социальных прав, без которых невозможны свобода и достойная жизнь человека (что предусматривало создание общественной системы образования, установление минимальной заработной платы, контроль за условиями труда, предоставление пособий по болезни и безработице, прогрессивное налогообложение и т. п.). И хотя у них сохранялись политические противники так же либерального толка (например, Г. Спенсер, повторявший формулу негативного понимания свободы и утверждавший статус конкуренции как формы естественного отбора), неолибералы набрали серьезный политический вес. Возможно, и за счет сближения с требованиями социалистов. И все же их программа представляла собой альтернативу социалистической идеологии, будучи направленной на сохранение частной собственности и регулируемые рыночные отношения, что в

итоге предусматривало мирную трансформацию жестких форм капитализма в структуры «социальной экономики».

Именно на этой основе либерализмом были интегрированы и идеи Дж.М. Кейнса, предложившего механизмы воздействия на капиталистический рынок, способные предотвратить кризисы перепроизводства и стимулировать экономический рост. В 40–50 гг. XX в. предлагаемые кейнсианскими и неолиберальными программами меры по стимулированию платежеспособного спроса и сохранению «полной занятости» стали неотъемлемой частью экономики развитых капиталистических стран (причем, эти идеи и требования были весьма схожи с социал-демократическими подходами, предлагавшими примерно такие же реформы государственных институтов).

В то же время, в своих послевоенных работах Ф. Хайек, К. Поппер, Дж. Тальмон, И. Берлин и др. настаивали на несовместимости приоритетов свободы и равенства, а, следовательно, и на том, что приверженность свободе исключает (помимо формального равенства прав) какие-либо обязательства общества в отношении равенства индивидов. Эти сторонники классической линии были убеждены, что практики государственного интервенционизма рано или поздно приведут к тоталитаризму¹.

Против придания государству функций «справедливого распределения» активно выступали и экономисты. М. Фридман и Л. Мизес в своих послевоенных работах прямо писали, что это неизбежно приведет к сбою естественных механизмов рынка, неизбежному нарастанию инфляции, а в итоге — к появлению «несвободного общества» и праву властей решать за человека его основные задачи. (Однако надо сказать, что правительственные программы, ориентированные на регулирование рынка за счет контроля над находящейся

¹ В послевоенное время концепт «тоталитаризма» заменил образ главного врага, которым ранее были консервативный традиционализм и социализм.

в обращении денежной массой и сокращения бюджетных расходов (т. е. реализации социальных программ), а также снижения налогов, в 70–80-х гг. были взяты на вооружение неоконсерваторами и успешно осуществлены в ряде западных стран).

Впрочем, и на эту теоретическую атаку сторонники неолиберализма подготовили свой интеллектуальный ответ трудами Дж. Ролса, Дж. Чэпмена, Р. Дворкина, У. Галстона, Дж. Шкляра и др. ученых, в конечном счете обосновавших программу строительства «государства всеобщего благоденствия». Ну, а обобщение опыта постепенного ухода с исторической сцены предложенной ими модели взаимоотношений государства и общества, а также свою новую историческую версию либерализм предложил уже в рамках неоконсерватизма. Эта форма идейного синтеза примирила либерализм с традиционными ценностями общества (семьи, порядка, справедливости), повысив значение культурных ориентаций в его теоретической картине мира и повлияв на определение им путей выхода из поразившего Запад ориентационного кризиса. Со своей стороны, либерализм привнес в это течение идеи ограниченной роли государства, поощрение предпринимательства, признание «равенства шансов» индивидов, высокой роли политических ассоциаций в развитии институтов гражданского общества и др.

Краткий исторический экскурс показывает, что сложившаяся сегодня «семья либерализмов» не просто требует некоторой ретроспективной оценки как программно-политического, так и теоретико-символического содержания, но и представляет собой предпосылку дальнейшей эволюции этого идейного течения. И если развитие (западного) консерватизма в конечном счете отражает охранительные интенции государства, то динамика либерализма сохраняет аналогичные функции по отношению к индивиду. В этом плане либерализм сохраняет и столь же определенный корпус оппонентов: с одной стороны — приверженцев левых идейных течений, а с другой — го-

сударственников и почитателей имперского величия. Столь же неизменным представляется и дальнейшая диверсификация либерального течения, возможность теоретической ревизии его различных школ и направлений; причем, особенно применительно к моделированию политического контекста разного уровня социальной организации (при этом источником моделирования по-прежнему останется определение *меры, социального качества* взаимоотношений власти и индивида). Эта теоретическая пролиферация либеральных принципов и в дальнейшем предполагает опору его различных политических или экономических теорий на отличающиеся друг от друга парадигмальные установки (что, кстати, позволяет им порой даже не замечать существование друг друга). Тем самым и в дальнейшем (в контексте становления глобального мира) будет во многом заново решаться вопрос о степени и характере вмешательства государства в частную жизнь индивида, соотношении универсальных ценностей прав человека и его патриотических привязанностей, свободы и демократии и т. д.

Понятно также, что все участники внутрилиберального идейного диспута (от социально и этически ориентированных конструкций до консервативных, от сохраняющих либертарные принципы и установки до предпочитающих тотальную опору на государство) претендуют и на свое практическое воплощение. Ведь, как известно, либерализм был и остается прагматически ориентированным учением, непременно побуждающим активность и разнообразие политических акторов. Еще в 40-х гг. XX в. Е.Е. Шатснайдер показал, что детерминируемая им гражданская активность индивидов есть не только предпосылка проявления разнообразных гражданских интересов, но и средство урегулирования общественных конфликтов. Так что и сегодня практическое воплощение разнообразных либеральных течений и подходов (которые, кстати, складываются не только под влиянием либеральных идей) будет обуславливать столь же неоднозначные институциональные гарантии реализации их прин-

ципов, особый характер встраивания тех или иных идейных конструкций в общественные системы. Один этот факт доказывает неизбежность усиления внутренней диверсификации либерализма по мере его практического воплощения на различных национальных и социальных площадках.

Понятно и то, что практическое воплощение либеральных принципов никак не исключает множественных трудностей и противоречий, первой из которых является стремление к механическому переносу тех или иных принципов и практик либерализма на социально неподготовленную почву. Так, еще Б. Констан видел причины несчастий Французской революции в попытках воплотить античные идеи публичной свободы в совершенно непригодных для этого условиях. Да и сегодня ряд поисковых схем формирования либеральных институтов не всегда находят понимание в странах, находящихся на разных стадиях развития и неготовых к адекватному использованию стороннего опыта (в том числе и на уровне своих международных связей).

Не случайно, к примеру, институты «вашингтонского консенсуса», создавая преимущества для экономически и финансово лидирующих государств на мировой арене, подвергаются острой критике со стороны стран, неготовых или неумеющих действовать в условиях жесткой международной конкуренции. Да и нынешние структуры сотрудничества мирового сообщества, также построенные на либеральных принципах (G-8, G-20, Давосский форум и проч.), способствуют процветанию далеко не всех мировых держав. И дело, конечно, не в том, что на нынешней стадии глобальной конкуренции еще не созданы структуры и институты, способные взвешенно регулировать мировые коммуникации. Это одна сторона проблемы. Куда более важно то, что свобода и конкуренция (как главные источники общественного движения и развития) — когда бы то ни было и где бы то ни было — в принципе измеряют соотношение усилий и позиций отдельных государств по их *практическому* умению

использовать реальные условия для накопления и распределения ресурсов. По крайней мере, до тех пор, пока в мировой, да и национальной политике сохранится конкурентное взаимодействие любых групповых образований (государств, корпораций и проч.). И только на определенном уровне развития эти взаимоотношения могут быть скорректированы или трансформированы на более социально ориентированных нормах и принципах либерализма.

Ну, а до тех пор либерализм будет постоянно сталкиваться как с крайностями и вульгарными оценками и трактовками обусловленных им политических отношений и принципов (к примеру, с утверждениями, что «свобода выше власти» или «больше свободы, меньше власти»), так и с ожесточенной критикой и сопротивлением неготовых к реальной конкуренции стран и объединений. Носители патриархальных и левых убеждений останутся ярыми противниками свободного развития индивида, упрекая «бездуховных либералов» и «безродных космополитов» в незавидном положении маргиналов и аутсайдеров. Не случайно Хайек писал о неизбежной конвертации идеала свободы под влиянием максималистских и традиционалистских требований масс.

Впрочем, репутационным рискам либерализм останется подвержен в результате действий собственных сторонников, рисующих его слишком идеализированные образы. К примеру, Э. Хаген неразрывно связывает либерализм с особым типом инновационной личности, которому *изначально* присущи: любознательность; принятие на себя ответственности за плохие стороны мира; стремление управлять, сопряженное с попытками принятия лучших решений и внесения изменений; откровенность и терпимость к подчиненным; одобрительное отношение к их оригинальности и стремлению к креативному поведению². И хотя сама постановка вопроса о

² Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений, М., 1996. С. 301.

наличии базовых основ либерального мышления, прочертившего интеллектуальную биографию со времен греко-римской цивилизации, и не вызывает сомнений, думается все же, что основной пафос этого мировоззрения неразрывно связан с более широкими и, одновременно, принципиальными ориентирами человеческого сознания (приоритетами свободы, рационально-правовыми подходами к общественной жизни, интенцией к универсализму и «всемирному гражданству», защитой экономической и политической свобод индивида и его ответственностью перед обществом). Но, в любом случае, перед приверженцами либеральной мысли стоит задача «защитить историческое наследие либеральной» теории и практики от «крайностей чересчур либеральной идеологии», т. е. чрезмерно умозрительных попыток реализовать принципы и начала либерализма вне исторического контекста.

Одним словом, признавая и внутреннюю амбивалентность либерализма, и его историческую диверсификацию, и сплошь и рядом проявляющиеся противоречия его практического воплощения, нельзя не видеть, что это течение мысли представляет собой не просто «совокупность неизменных моральных и политических ценностей», а трансформирующуюся форму «исторического движения идей», требующую чтобы исследователи применяли к ней не «чисто концептуальный», а реалистический подход (Э. Арбластер).

Основные факторы современной эволюции либерализма

Сказанное выше демонстрирует, что идейные и политические оболочки либерализма неизбежно меняются под воздействием исторического контекста, провоцирующего внутренние кризисы этого идейно-политического течения, побуждающие потребность в его политической адаптации к изменяющейся среде. Эти (внутренние и внешние) предпосылки развития либерализма напрямую обуславливают и степень его социального резонанса, и конструирующую роль,

которая проявляется во влиянии на программно-целевые и поведенческие формы активности институтов и граждан.

Среди множества факторов этого рода, прежде всего, выделяются некие, условно говоря, *универсальные, структурно значимые явления*, закрепленные самой морфологией социального пространства, неизменным характером организации совместной жизни людей. Их господствующее положение отражается и в определении ими характера ведущих процессуальных факторов (к примеру, в виде современной глобализации, становления информационного общества, медиатизации публичного пространства, трансграничных культурных коммуникаций и проч.), влияющих на реальные диспозиции государства и гражданина, соотношение ведущих идеологических конструкций, насыщенность публичного дискурса и проч.

В первую очередь, к таким структурно значимым факторам следует отнести конфликтную по своей сути конфигурацию *взаимоотношений власти и индивида*, предполагающую (при сохранении приоритетов последнего в оценке данного взаимоотношения) исторически конкретную интерпретацию вопроса о соотношении свободы и реальных (необязательно институализированных) ограничений индивидуальных стратегий, насильственных и ненасильственных методов регулирования общественного порядка, сочетания тенденции к трансцендентизации власти и массовых (от этатистских до анархических) стереотипов, соотношения всеобщих и локальных (корпоративных, территориальных и проч.) форм организации социального доминирования и т. д.

Сегодня решение этих задач неразрывно связано с интерпретацией сочетания тенденций «распыления» (в виде передачи части функций надгосударственным и общественным структурам, усиления роли полицентрических форм организации и управления государством, расширения технологий «мягкой власти») и, одновременно, усиления государственной власти (в связи с необходимостью противодействия

терроризму и обеспечения национальной безопасности), что ведет к усложнению и подвижности диспозиций индивида и центров власти даже в стабильных демократических обществах. Свою роль играет описанная Ульрихом Бекон и постепенно набирающая силу тенденция к превращению чрезвычайной ситуации (под влиянием глобальных рисков развития искусственного интеллекта, неконтролируемого распространения смертельных вирусов, климатических кризисов и космических угроз и проч.) в повседневную форму жизнедеятельности государства. Одним словом, в нынешнее время мы попадаем в фазу реструктурирования природы ранее скреплявших мир механизмов властвования, в эпоху «революции самой природы власти»³, что, по понятным причинам, помещает потребность индивида в свободе в совершенно новые исторические рамки и ставит перед либерализмом совершенно нетипичные задачи.

Еще одним фактором, отображающим принципиально нерешаемую проблему, постоянно преследующую интеллектуальный генезис либерализма, является поливариативность, а точнее — невозможность однозначного определения общественного блага, поскольку «...разные индивиды и группы вкладывают в понятие общего блага разное содержание»⁴. И лишь определенные политические системы (например, демократии) обладают процедурными механизмами для агрегированного выявления этих предпочтений. Однако и в этих случаях определение характера общественных благ с точки зрения большинства и меньшинства (в том числе и по вопросу использования легальной силы для продвижения ими своих позиций в тех или иных условиях) никогда не обладает длительным и устойчивым (а порой и легитимно признанным) характером.

В этом смысле добавляет сложности в интерпретации либеральных установок их *взаимосвязь с демократией*. Как

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти, М., 2001. С. 24–25.

⁴ Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. М., 2007.

известно, этот тип политической системы не способен учитывать интересы всех граждан в государстве, являясь не столько средством сплочения населения, сколько умножения разнообразия интересов. «Ничто так не враждебно и чуждо демократическому строю, — справедливо пишет В. Иноземцев, — как идея стабильности», получившая в последнее время слишком большое признание»⁵. Цель демократии состоит не в сохранении стабильности, а в обеспечении возможностей для осуществления перемен, продвигающих общество не по пути, определенному «законами прогресса» или «исторической необходимости», а в том направлении, какое это общество само себе избрало⁶. В этом смысле только отдельные процедуры и механизмы демократии (голосование, публичное оппонирование) способны определить границы применения легальной власти по отношению к индивиду. Однако и в этом случае демократия не может однозначно сформулировать те средства, которые она будет при этом использовать. Так что и этот строй — помимо применения универсальных механизмов властвования — может выступать и против прав человека.

В то же время, сегодня, по мнению Дж. Дьюи, демократия представляет собой не столько форму организации власти, сколько образ жизни отдельного человека, откуда он и черпает нравственные нормы своего поведения. Другие теоретики обращают внимание на то, что глобализация заставляет «встраиваться» в демократию даже жесткие диктатуры (А.Ю. Мельвиль), что диверсифицирует эту форму власти, но при этом увеличивает риски ее консолидации на либеральной основе. Не случайно — хотя демократический идеал властвует едва ли ни повсюду — режимы, которые его утверждают, постоянно вызывают «повсеместную критику» (П. Розанваллон). Наблюдаем мы и перемещение центра тяжести от

⁵ Теория и практика демократии / Составители В. Иноземцев, Б. Капустин, М., 2008. С. XIII.

⁶ Там же.

традиционных представительных институтов демократии к индивидуально-демократическим (в том числе сетевым) механизмам, рассчитанным на встраивание во власть все более мелких гражданских фракций. Не случайно тот же У. Бек подчеркивает взаимосвязь нарастающей индивидуализации жизни и методов властвования, основанных на деконцентрации полномочий и смещении центров принятия государственных решений на нижние уровни, на развитии сетевых структур, применении методов мягкого влияния, увеличении социальных факторов властного принуждения. В дополнении к этому Р. Инглхарт фиксирует падение уважения населения многих стран к иерархическим структурам власти и усиление потребности в самовыражении, что увеличивает травматическое воздействие на массивы традиционалистской культуры. Многие ученые на основе этих и некоторых иных современных тенденций говорят о становлении постдемократических (медиакратических) форм организации власти, что ведет не столько к усилению ее либеральных оснований, сколько к распространению сингулярных идей и предпосылок.

Важным компонентом демократизации является и нарастание удельного веса *космополитических ценностей* — как в области идентификации граждан, так и в части реорганизации жизни сообществ в национальных государствах. В своем наиболее принципиальном значении космополитизм как основа согласования индивидуальных и групповых идентичностей противостоит чрезмерному увеличению роли национального государства в жизни человека. При этом данная система ориентаций не связывает межчеловеческую солидарность только с государством, означая по сути исчезновение закрытых обществ и втягивание всех государств во взаимоотношения открытых систем. И если в эпоху первой Модернити космополитизм постигался лишь разумом (но не в качестве жизненного опыта), то сегодня он уже опирается на разносторонние мыслительные и реальные практики. Потому-то и его роль как системы воззрений, диктующей

новые формы отношения индивида к другому (акцентирующей интернализацию опыта и отказ от признания чуждых культур), обретает реально ориентационные формы даже для политических институтов.

С одной стороны, космополитическое перешагивание гражданских ценностей через территориальные ограничения государств соответствует неизбывному универсализму либеральной теории и его тяготению к организации совместной жизни, основанной на суверенитете индивида. Однако, с другой стороны, такая ситуация противоречит идеалам — поддерживаемого либерализмом в целом — территориально ограниченного демократического государства. Как бы то ни было, но отмеченные тенденции побуждают либерализм не только дать оценку демократизации политических форм и влиянию ее современных трендов на позиционирование индивида в мире, но и отреагировать на становление постдемократических тенденций в организации государственной власти.

Еще одним крупным структурным фактором, обуславливающим историческую динамику либерализма, следует признать эволюцию феномена *идеологии* как такового. Не вдаваясь в дискуссию о понимании природы данного явления и руководствуясь в данном случае пусть и несколько огрубленным, но, тем не менее, вполне эвристичным и операбельным толкованием идеологии как системы групповых воззрений, укажем на ее многоуровневый характер, позволяющий соединять концептуальные, программные и актуализированные (в массовом сознании) формы. В этом смысле противоречия между концептуальным и программным уровнями как раз и фиксируют постоянный источник внутреннего саморазвития либерализма, вынужденного непрерывно совмещать расхождения между провозглашаемыми принципами и реально осуществимыми целями.

В этой связи следует констатировать ряд современных процессов, влияющих на содержание идеологического процесса. В частности, опыт последних десятилетий продемонстриро-

вал (в основном в западном политическом ареале) постепенное размывание групповых идентичностей и перестройку публичного дискурса на основах имиджевой коммуникации, что привело к тому, что имплицитное ядро идеологии стало утрачивать способность к агрегированию интересов. Другими словами, формирующаяся тенденция периферизации идеологии показала, что доктринальность идеологических систем перестала отвечать сложности мировых процессов и индивидуального существования. Массовая замена в публичном дискурсе идейно-систематизированных продуктов результатами информационного обмена превратила идеологию в обычный элемент пестрого мультикультурного пространства, лишив ее ценностно-ориентационных и идеально-конструирующих функций по отношению к индивиду и его политическому позиционированию. В результате, у человека появились иные основания для формирования целостной картины мира, нежели заданной идеологиями, а его «воля к вере» стала более сложной и диверсифицированной (У. Джеймс). Короче, внутреннее измерение человеком реальности оказалось значительно богаче идеологических инвективов.

В то же время, на уровне межинституциональных коммуникаций идеологии продолжают оказывать воздействие и на политические практики, и на формы идентификации индивидов. В этом смысле массовые формы экстернализации либерализма (свобода мысли и самовыражения, свобода печати, выборы, рынки, утилитарный тип мотивации, приоритет права в госрегулировании и др.) сохраняют распространение либеральной веры, подкрепляя опыт жизнедеятельности «свободных индивидов». Эти формы эксплицированной доктрины частично обуславливают рост численности страт, которые руководствуются его принципами (если на заре капитализма ими были в основном представители деловых кругов, то сегодня социальный спектр носителей этих ценностей существенно расширился). Но, тем не менее, они не способны компенсировать нарастающий дефицит идеологи-

зированной типа рефлексии. Индивид, пребывая в условиях повседневной жизни, «находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определенной им самой физической и социокультурной среде»⁷, и потому стремительно уходит от самой установки создания единой логики целостного восприятия мира.

Либерализм, как и все другие идеологические системы, противостоящие свободной символизации человеком картины мира (хотя, в отличие от других систем, и предполагающий более широкий тип интерпретаций), вынужден давать собственный ответ на все эти вызовы, пытаясь соединить новые дискурсивные условия со своей картиной мира.

Мировоззренческое поражение идеологий по-своему связано еще с одним источником эволюции либерализма, а именно — с *рационализмом*, также демонстрирующим сегодня существенные ограничения при создании образов настоящего и будущего. По сути для всех сторонников либерализма рационализм стал бессознательным ценностно-ориентационным и когнитивным фильтром. Либерал верит в рациональность как в программу действий и очевидность здравого смысла, а потому и позитивно оценивает мотивационные функции идеала, самооценку жизненной активности человека, что — по вполне понятным причинам — не вполне сочетается с реальным контекстом жизнедеятельности.

Одним словом, суть данной коллизии состоит в том, что, будучи основанием формирования теоретико-концептуальной идеологической модели, рационализм не всегда способен выработать адекватные запросам времени (и даже неким функциональным процессам — вроде принятия государственных решений) адекватную схему объяснения. В целом, апеллируя к «человеку экономическому» и «политическому», рационализм сужает представление о фактически действующем индивиде, мотивах его жизненной активности. Ну, а сегодня дефицит в

⁷ Шюц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования, 1988, № 2. С. 131.

объяснительных схемах трансцендентального, пост — и дологического начал в сознании человека является существенным минусом в использовании рационализма при конструировании либеральной реальности. Господство рационализма — это признание ограниченности либерализма в части отображения культурных параметров мира и индивида, свидетельство дефицита инструментария в построении его символического пространства. В этом плане следует признать, что как когнитивная основа либерализма — особенно в странах с преобладанием архаических пластов культуры — рационализм проигрывает по своему влиянию на массовую аудиторию многоликим «национальным идеям», левым и религиозным идеям.

Известным средством компенсации слабости рационализма для либерализма — как, впрочем, и для любой другой идеологической системы — является *идейная интеграция* различных идеологических конструкций (что одновременно может рассматриваться и как структурный фактор его исторической эволюции). Этот тип синтеза протекает как на концептуальном, так и на программном уровнях, стимулируя большую адаптацию либерализма к обусловленным социально-экономической и политической динамикой общественного развития массовым настроениям. Возможно, как самая яркая иллюстрация такого идейного синтеза может рассматриваться неоконсерватизм, продемонстрировавший способность либерализма к более чуткому восприятию традиционных ценностей и социальной ответственности государства. Сегодняшнее же время еще более непосредственно показывает открытость и незавершенность политико-идеологических перспектив либерализма, проблематизируя вопрос о его идейных партнерах, способных в будущем образовать с ним некую новую коалицию.

Следует, однако, подчеркнуть, что идеологическое сближение детерминируется не только социально-экономическими тенденциями, но и более широким спектром условий, в том числе и реальной политикой мировых держав, олицетворяю-

щих то или иное идейное направление. К примеру, хорошо известно, что отрицательное отношение к либерализму в наше время стимулирует политика ряда ведущих мировых держав, не брезгающих откровенным (в том числе и силовым) давлением для продвижения своих интересов и целей. И если рядовой гражданин не способен адекватно оценивать логику доктринальных течений или же не осведомлен о том, что США не подписали никаких базовых документов по правам человека, то реальная политика этого государства на международной арене существенно снижает в его глазах демонстрационный эффект институализированного либерализма⁸. И тем самым ставит преграды для идейной интеграции с его собственной системой ценностей.

И в заключение назовем еще один принципиальный фактор, влияющий на историческую динамику либерализма, — *амбивалентный характер усвоения* этой идейной системы на различных национальных площадках, что обусловлено различным уровнем институализации его принципов, состоянием ментальной географии страны и публичного дискурса

⁸ Отметим попутно, что и внутривнутриполитический контекст США, закрепляющий множество иерархий религиозного, расового, гендерного и этнического неравенства, также не вполне соответствует либеральным и демократическим идеалам. И хотя для этой страны либерализм является «естественным» явлением, а население в массе своей безразлично к искушениям левых идеологий, либерализм стал не просто повсеместно распространенной, но и догматической формой мышления. Не случайно многие теоретики полагают, что идеология американизма в значительной мере опирается на традиционалистские, а не на либеральные ценности. В частности, как пишет Л. Хартц, если «на Западе в целом доктрина Дж. Локка считается символом рационализма, ...то в США приверженность ей столь иррациональна, что там даже не смогли распознать ее сути — либерализма, ... в Америке никогда не существовало либерального движения или по-настоящему либеральной партии, ... а «либерализм» [в его истинном значении] чужд стране, где он максимально воплощен и реализован [так], что стал представлять угрозу самой свободе». Цит. по: Теория и практика демократии / Составители В. Иноземцев, Б. Капустин, М., 2008. С. 106.

(в том числе и наличием у него идейных соперников), а также готовностью властных структур руководствоваться либеральными ориентирами. Исторический опыт многократно подтвердил, что даже в странах с однотипным культурным профилем (например, в США и Англии) процесс усвоения либерализма отличается весьма существенно. В странах же переходного типа не исключены даже реакционные трактовки либерализма со всеми вытекающими последствиями его укоренения на этой социальной почве. Все социальные — в том числе и элитарные слои — прочитывают либеральные ценности по-своему, связывая их со своими интересами и позициями. Так что процесс встраивания либеральных принципов и программ в то или иное культурно-государственное пространство формирует множество протолиберальных и частично либеральных версий, тем не менее, аттестующих в глазах населения собственно либеральные идеи и ценности.

Конечно, наряду с вышеназванными структурными факторами существует целый ряд факторов процессуального характера, которые также воздействуют на теоретико-концептуальную и идейно-политическую эволюцию либерализма. Однако эти — пусть и заслуженно признаваемые и действительно значимые — факторы оказывают на динамику либерализма более избирательное, выборочное воздействие. Та же глобализация, формирование нового мирового порядка, становление информационного общества и ряд иных специфических параметров нашего времени носят вторичный и преходящий характер, а их влияние на эту доктрину так или иначе обусловлено действием вышеназванных, более существенных факторов.

Либерализм на российской почве: формы эволюции и перспективы развития

Понятно, что и Россия не стала исключением, породив собственные, национальные версии либерализма. Однако, как уже говорилось, ее страновые особенности способствова-

ли появлению собственного облика этого идейного течения, ставшего, тем не менее, своеобразной формой «инверсии западной модели взаимоотношений общества и государства»⁹.

Либеральные идеи постоянно присутствовали и в теоретическом, и в публичном дискурсах в стране на протяжении последних двух столетий. Однако их развитие осуществлялось под влиянием факторов, во многом отрицавших его внутренние принципы. С одной стороны, это были формы политического правления, на протяжении всей истории отечественной политики выстраивавшиеся под сильным централизованным контролем государства (т. е. сверху вниз), а с другой — содержание культурного поля, переполненного традиционалистскими и патерналистскими системами ценностей. В какой-то степени отгадкой своеобразного восприятия либеральных идей может послужить мысль М. Вебера, который, говоря о России, писал, что «резкие смены бешеной активности и полного подчинения обстоятельствам» нашими соотечественниками «вытекают из того, что этически нейтральное не признается существующим или чем-то таким, что может иметь «ценность», а стало быть заслуживать активности»¹⁰.

Еще одним фактором, повлиявшим на распространение и эволюцию либерализма в стране, была высокая популярность радикальных и социалистических идей. Думается, эти обстоятельства в целом и обусловили сходство ранних форм либерализма, идентичных как для XIX в., так и для XX в. (90-е гг.). Видимо, можно говорить и о том, что хотя в России не были решены многие проблемы, определявшие повестку классического либерализма, в чисто теоретической форме некоторые либеральные (в основном неолиберальные) идеи появились у нас почти одновременно с Западом.

⁹ Мчедлова М.М. Российская цивилизация: Вызовы XXI века, М., 2008. С. 81.

¹⁰ Вебер М. О России. Избранное, М., 2007. С. 21–22.

Как известно, в Россию либерализм пришел в обличи просвещенного абсолютизма Екатерины II. Не случайно поэтому в XIX столетии носителем зачастую даже не идей, а либеральных настроений, была, строго говоря, только европеизированная часть населения, весьма выборочно осваивавшая привнесенный с Запада теоретический материал. В более же широких слоях интеллектуалов и аристократической элиты либерализм был практически выведен из публичного дискурса.

Пример России наглядно показал, как идея свободы противостоит не только власти, но и культурным ценностям и привычкам. Ведь в России свобода традиционно понималась как воля, отрешенная от всех форм ответственности, что формировало отрицательное отношение к либеральным свободам как со стороны анархистов, так и со стороны державников. Одним словом, в либерализме оказался заложенным столь непривлекательный для россиян дух преодоления соглашательства, конформизма, притерпелости к насилию и несвободе. В результате, формировалась не столько чрезмерно идеальная, сколько трансцендентальная, не претендующая на реальное воплощение форма свободы и либерализма. Такая свобода изначально отрицалась как реальность.

Исторически в России сложились два типа либеральных теорий, что опять-таки продемонстрировало внутреннюю противоречивость их исходных принципов, но уже на национальной почве. Так, Б.Н. Чичерин, признававший, что либерализм есть «следствие жизненной необходимости», стал проводником классической версии либерализма. Правда, активно защищая принципы либерализма и выступая как критик социализма и распределительной экономики, он делал акцент на человеколюбии, которое, по его мнению, было самым эффективным инструментом (более эффективным, чем право) в деле воплощения свободы в социально разделенном обществе. Иную трактовку либерального мировоззрения предлагал В. Соловьев, настаивавший на том, что

право человека «на достойное существование» может быть обеспечено лишь за счет повсеместного применения законов и права (толкуемых им как инструмент сохранения «минимума нравственности»). Это послужило толчком для развития идей П. Новгородцева, Л. Петражицкого, И. Покровского (а позднее — Б. Кистяковского и С. Гессена), стоявших на общей платформе «неолиберализма». Эти теоретики, защищая «права человеческой личности» (и отвергая претензии на авторство этой установки со стороны социалистической мысли), рассматривали их социальную составляющую как часть естественных прав человека, требуя соответствующих изменений в политических институтах и законодательстве.

В то же время, практически для всех пионеров российского либерализма были характерны и некие общие установки, отразившие первоначальные, ранние формы усвоения этого учения. Например, вера в универсальность демократического идеала и его принципиальную воплотимость (при условии создания соответствующих институтов, но также и то или иное признание насильственных мер по воплощению передовых форм жизни), возможности разрыва с предшествующими культурными традициями и др.

В целом можно сказать, что российская история продемонстрировала некие универсальные параметры генезиса либерализма. Это и приоритеты стихийной эволюции общества, и уверенность в рациональных ориентирах правления, и антиавторитаризм, и акцентация макроэкономических преобразований, и стремление к заимствованию западного опыта. Опять-таки, в силу абсолютного преобладания жестко вертикализированных форм правления, наиболее сильными оказались сугубо интеллектуальные традиции развития российского либерализма. В то время как его политико-организационные параметры (до кадетов в стране не было политических организаций) оказались, напротив, чрезвычайно слабы.

В процессе развития отечественного, по определению Дж. Фишера, «неимущего либерализма» (представлявшего

движение меньшинства в слаборазвитой стране) выкристаллизовались его весьма различные направления и формы. Опыт отечественной истории продемонстрировал достаточно широкий спектр идейно-политических конструкций либерализма, включивший формы уличного (охлократического), оппозиционного (обличающего), охранительного (этатистского), радикального (направленного на преодоление влияния «почвы») и консервативного (ориентированного на усиление роли государства, максимальное сохранение сложившихся форм хозяйствования, избирательное отношение к праву, учет массовых ценностей и т. д.) либерализмов. Однако их идейное разнообразие весьма слабо отразилось в политическом дискурсе, показав их слабый потенциал влияния и на массовое сознание, и на структуры власти.

Одним словом, надо признать, что и идеологические, и смысловые деформации либерализма, находящегося в стране под постоянным прессом авторитарных режимов правления, обывательского раздражения, мифов социалистического коллективизма и националистических доктрин, сплетен традиционализма, вполне естественны. Это при том, что главным фактором деинституализации либерализма является сохранение низкодоходной экономики и стратегии нынешнего режима по избеганию демократии. Главные политические ценности правящего режима — безопасность, стабильность и порядок — используются сегодня для постепенного, но неуклонного ограничения прав человека и гражданина, а равно для усиления форм полицейского контроля за гражданской активностью.

Пресловутый кризис либерализма, о котором не устают говорить его отечественные противники, являет собой не расхождение его принципов с динамикой национального (да и мирового) развития, и уж тем более не свидетельствует о снижении влияния на людей философии свободы (что и было бы показателем этого катастрофичного состояния). Его нынешнее позиционирование (и в стране, и в мире) сви-

детельствует не более чем о трудностях усвоения его идей в виде политических программ. В то же время, в духовной сфере либерализм уже обрел статус не столько идеологический, сколько мировоззренческий, проникнув во многие другие идейные конструкции и продемонстрировав пластичный характер своей доктрины.

Проблема России состоит в реализации идеологического потенциала либерализма. Ведь как идеологическая конструкция он, в конечном счете, направлен на выявление гражданского потенциала индивида и общества. По сути, это идеология гражданской, социальной телесности индивида, направленная против искривляющего его личную жизнь вмешательства сторонних институтов и контрагентов, на усиление личной ответственности человека за свою судьбу. Еще Б. Констан подразумевал под либерализмом «торжество индивидуальности как над авторитетом, желающим властвовать при помощи деспотизма, так и над массой, желающей поработать меньшинство большинством». И поскольку переход индивида из естественного в гражданское состояние возможен только при посредничестве государства (Т. Гоббс), нужно в первую очередь фиксировать политические и правовые возможности публичных институтов в деле регулирования индивидуальной активности. Главное — чтобы люди понимали: любое, даже самое демократическое государство неразрывно «связано с ограничением свободы» (существуя как «необходимое зло»), а «свободное взаимодействие людей» и есть именно то, «что сохраняет все блага, стремление к которым соединяет людей в общество»¹¹. При этом условия гражданской жизнедеятельности должны содержать и ограничения чрезмерному тяготению человека к совместности, отправлению жизни в коллективном формате, притупляющих у него чувство ответственности за свою жизнь.

¹¹ Гумбольт фон В. Язык и философия культуры, М., 1985. С. 133.

Иными словами, России еще предстоит воплотить не антропный и не групповой, а всегражданский потенциал либеральной идеологии, утверждающий индивидуальное достоинство человека в качестве основы государственного устройства. Для этого задачей всех здравых политических сил должно стать требование от власти «большого уважения к привычкам, чувствам и независимости индивидов», утверждения осторожного и легкого по отношению к человеку стиля правления¹².

Ну, а в более общем порядке, лишь сохранив в пространстве власти свои базовые ориентиры, либерализм сохранит и свое участие в формировании политических стратегий различных государств, желающих закрепиться в мировом глобальном порядке. И хотя в обществах переходного типа динамика либеральных воззрений представляет собой лишь точечные воплощения в рамках отдельных институтов, проектов или формах группового мышления, сегодня у каждой такой страны (в том числе и России) есть все возможности для усиления политических позиций этого идейного течения. И главным основанием уверенности в такой перспективе является тот факт, что идейно-политическое развитие все большего числа стран свидетельствует, в конечном счете, о неуклонном повышении уровня ресурсной оснащенности индивида, усилении его позиционирования в структурах государственной и корпоративной власти. Так что не приходится сомневаться в том, что мир еще увидит отсроченные, но масштабные последствия идейной и политической экспансии либерализма.

¹² *Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис, 1993. № 2. С. 104.*